

Сердечные уютные рассказы истории

*Любовь
на безопасном
расстоянии*

Татьяна Алюшина,
Мария Воронова,
Татьяна Тренина и другие

Уютный роман

Татьяна Тренина
Сердечные истории

«ЭКСМО»

2020

Тренина Т. М.

Сердечные истории / Т. М. Тренина — «Эксмо»,
2020 — (Уютный роман)

ISBN 978-5-04-115362-5

Перед вами сборник рассказов о простых людях, попавших в непростые ситуации, людях, объединенных одним – запертыми дверями. Каждая любовь – исключительна. Каждая история по-своему обаятельна и трагична. Представьте, как интересно подглядеть за маленькой жизнью. Эти истории согреют душу и послужат напоминанием о том, что двери откроются. Только за ними будет уже совсем другая жизнь.

ISBN 978-5-04-115362-5

© Тренина Т. М., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Вера Колочкова	5
Татьяна Алюшина	8
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Коллектив авторов

Сердечные истории. Сборник

Вера Колочкова
Сашкин день

*Ах, обмануть меня не сложно,
Я сам обманываться рад...*

А.С. Пушкин

– Сашка, вставай... Завтрак готов, слышишь?

Сашка подняла голову от подушки, промычала сонно:

– Ну мам... Дай мне поспать, все равно в школу идти не надо! Карантин же!

– Да, карантин! Но мы ведь договорились, что будем жить в привычном режиме! Вставай!

Вон Павлик уже встал, слышишь?

– Так он же маленький! Ты его в девять часов укладываешь, вот и встает рано! А я...

– Хорошо. Тогда тоже будешь ложиться в девять часов.

– Ну, мам... Ты совсем уже озверела с этим карантином...

– Что я сделала?! Повтори!

– Ладно-ладно, встаю... Уж и сказать ничего нельзя!

Тата вернулась на кухню, хмыкнула недовольно. А что делать – озвереешь тут... Уже две недели в четырех стенах, сколько можно! А главное – и конца этому не видно...

Конечно, можно плюнуть на режим, плыть по течению ленивой расслабленности. Да только куда их эта расслабуха выведет? Как потом из нее выходить-то?

Нет уж. Режим есть режим. Как договорились. Сашка учится дистанционно, и потому утром встала, позавтракала – и за уроки! Все-таки девятый класс, и задают много... И пятилетний Павлик должен быть при деле – сначала развивающие занятия, потом английский, а потом уж мультики с играми. Хотя попробуй заставь его заниматься... Тоже неуправляемый стал. Скачет по квартире, как молодой козлик, энергию расходует. Еще и требует, чтобы она в эту круговерть вовлекалась, скучно ему одному, видите ли!

А что делать? Приходится вовлекаться. Хотя все эти бои черепашек-ниндзя со Шредером уже в печенках сидят. Да если б можно было отгородиться такой же «удаленкой», как у Сашки! Отстань, мол, у меня работы полно! В том-то и дело, что никак нельзя... Какая «удаленка» может быть у хореографа?

Ну вот, завтрак стынет, а Сашки все нет... И Павлик около телевизора в гостиной завис, мультик смотрит.

– Павлик, выключи телевизор, слышишь? Иди сюда, пора завтракать! Я кому говорю, Павлик, ну?

– Чего ты на нем опять срываешься, мам... – недовольно проговорила Сашка, заходя на кухню. – Пусть досмотрит свой мультик, жалко тебе, что ли? Характер у тебя стал просто невыносимый! Даже папа твой характер не выдержал...

Тата моргнула, обиженно глянула на дочь. Спросила тихо:

– При чем здесь папа? Не знаешь ничего, а рассуждаешь... Мы просто расстались, и все. Не смогли жить вместе. Я ж тебе сто раз объясняла.

– Ну да, ну да. Пятнадцать лет прожили, а дальше уже не смогли. Так ведь не бывает, мам.

– Бывает. Просто у нас кризис в отношениях наступил...

– Такой сильный кризис, что папа в другой город жить переехал?

– Не в другой город, а к бабушке... Бабушка старенькая, ей помощь нужна. И вообще, я не обязана перед тобой извиняться, это наши с папой отношения! Давай ешь и за уроки садись! С ума я с вами сойду, ей-богу... Вот почему меня опять Павлик не слушает, а? Хоть говори, хоть нет... Еще утро, а у меня уже голова болит...

– Это у меня голова болит, мам. Сама знаешь, сколько уроков задают. А ты ж работой не занята, ты просто на карантине сидишь, и все.

– Что?! Это я-то не занята? Да я только и делаю, что у плиты стою, завтрак-обед-ужин готовлю! А Павлик? Ты же видишь, что с Павликом делается? Да он же на голове ходит, он же постоянно внимания к себе требует! Да я ни одной минутки сама себе не принадлежу, неужели сама не видишь?

– Да ну, ерунда... И я бы так согласилась... Вместо уроков с Павликом по квартире побегать!

– Да? Ты так считаешь? Ну так попробуй влезть в мою шкуру, я не против!

– В смысле? Поменяться с тобой местами, что ли?

– Ну да... Давай, хотя бы на один день! Я твои уроки сделаю, а ты будешь у плиты стоять! И Павлика чем-нибудь занимать целый день! Хочешь?

– Да легко, мам! Только давай, чтобы полностью в роль войти... Я целый день буду тобой, а ты – мной! Давай, я согласна! Прямо сейчас и начнем!

– Что ж, давай... – вяло согласилась Тата, уже жалея, что сама втянула дочь в эту ролевую игру. – Я сейчас пойду твои уроки делать, а ты Павлика завтраком накорми, потом посуду помой, потом...

– Ладно, не давай мне задания! Теперь же я твоя мама, а ты моя дочь! А ну-ка, Таточка, марш заниматься! Смотри, я потом все проверю, проконтролирую! Давай-давай, не делай мне тут кислую рожицу, ну?

Тата вздохнула, послушно встала из-за стола. Прошла в комнату Сашки, включила компьютер, чтобы ознакомиться с домашним заданием – что там ей предстоит... И закричала в сторону кухни возмущенно:

– Да вам же на сегодня сочинение задали, Сашка! Духовные искания Андрея Болконского и Пьера Безухова!

– И что? – тут же возникла в дверях комнаты довольно улыбающаяся Сашка. – Давай, Таточка, давай, работай... Ты ж говорила, что мои уроки – это суцая ерунда!

– Да я так вовсе не говорила... Может, мы обратно поменяемся, а?

– Нет уж! Уговор дороже денег, Таточка! Желаю тебе успехов в исследовании этих самых духовных исканий!

Сашка тут же исчезла, а Тата вздохнула и обреченно полезла в интернет – может, там можно найти готовый материал по этим самым исканиям, будь они неладны... Вот же ввязалась на свою голову, а?

И сразу бросился в глаза значок неп прочитанного письма в Сашкиной почте. И не удержалась от соблазна, открыла...

О-па... А письмо-то от Максима, бывшего мужа... То бишь от Сашкиного отца. Коротенькое, деловое такое письмецо... Мол, как вы там, как переносите карантин, все ли здоровы...

Вот весь он в этом, дорогой бывший муженек! Лишнего слова не скажет. Отцовского чувства не выплеснет. Ну ладно, что ж... И она так же ему ответит. Она ведь теперь вместо Сашки дочернюю функцию выполняет? Так ему и напишет – все, мол, отлично у нас, папочка, все просто зашибись. Живем без тебя, не тужим. Хотя... Вот это «без тебя» убрать можно,

пожалуй. Сашка с такой подковыркой все равно бы не написала. У нее с отцом трогательные отношения сохранились, да...

Отправила ответ, прислушалась. Как тихо в квартире... Даже громких стрельбок Павлика не слышно. Интересно, как это его Сашка уgomонила? Наверное, книжку ему читает... Молодец...

Если б она знала тогда, как жестоко ошибается относительно Сашкиных педагогических способностей! Потому что дочь и не думала их проявлять по отношению к младшему брату. Павлик сидел перед телевизором, смотрел очередную серию про своих черепашек. А Сашка...

Сашка сидела за ее компьютером. И тоже писала письмо. И не кому-нибудь, а Максиму... От ее имени писала, нахмутив лоб и от усердия прикусив губу.

Сначала у нее ничего не получалось. Не шло как-то. Не знала, с чего начать... А потом вдруг слова сами начали выстраиваться на экране, да так ладненько, так красиво! Подумалось даже – может, литературный талант в ней пропадает? Вон как трогательно звучит...

«...И только сейчас, когда образовался этот вакуум, я вдруг поняла... Я все поняла, Максим, такая вдруг ясная картинка перед глазами встала! Я поняла, что очень люблю тебя... Что жить без тебя не могу. Это главное. А все остальное, все наши ссоры и выяснения отношений – это шелуха, это вуаль, накинутая на картинку правды...»

О как! Ай да Сашка, ай да... Ладно, опустим, чья она там дочь. И пусть мама не сердится на нее за такую подлянку! В конце концов, она всего лишь исполнила свою роль, как могла... Воспользовалась моментом. Сделала то, что должно было, и пусть будет, что будет!

Думать не стала, чтобы не сомневаться. Нажала на кнопку «отправить» и только после этого испугалась – что наделала, идиотка? Мама сядет за свой компьютер, увидит... Такой скандалище ей закатит, подумать страшно! Лучше сразу это письмо в корзину отправить, чтоб не увидела... Хотя папа-то его все равно почитает!

Ну и ладно... И пусть прочитает. Пусть будет, что будет...

На другой день, выйдя к завтраку, Сашка спросила с улыбкой:

– Ну что, мам, продолжим наши игры? Я смотрю, у тебя неплохо получается... Сочинение про духовные изыски вполне себе приемлемое написала!

– Нет уж, хватит! С меня семь потов сошло, пока я его вымучивала! Я уж лучше своими делами скорбными займусь...

В этот момент и зазвонил телефон, и Сашка успела мельком увидеть имя, высветившееся на дисплее, – «Максим»... И подскочила со стула, унеслась к себе в комнату и даже дверь закрыла, подперев ее плечом, – что ж теперь будет, мамочки... Вот сейчас, сейчас мама позовет ее на кухню гневно!

Время шло, но мама ее не звала. Сидела в кухне, прижимая телефон к уху, слушала... И сама не замечала, как дрожат губы, как стекают вниз по щекам теплые слезы, и конца им нет...

– Таточка, милая, любимая моя... Ты прости меня за все, дурака! Я только сейчас... Только сидя в одиночестве, понял, что ты значишь для меня, Таточка! И ты, и дети... Как же я люблю вас, господи! И я так благодарен тебе, Таточка, если б ты знала! Может, я бы не решился тебе это все сказать, если б ты... Не написала мне... Сама написала...

– Я? Что я тебе написала, Максим? Я не понимаю... А впрочем, это уже не важно...

Конечно, мелькнула у нее в этот момент мысль про Сашку... Мелькнула и пропала. Что значит вообще эта мысль по сравнению с ее слезами, с этим счастливым смятением?

– Да, это неважно, Таточка, моя дорогая. Важно то, что мы с тобой оба поняли... Нам надо обязательно быть вместе, и чем скорее, тем лучше!

– Но как же – скорее... Ведь карантин... Город могут закрыть, как же...

– Да и это неважно, Таточка! Потому что мы вместе, мы уже вместе... Разве ты этого еще не поняла?

Татьяна Алюшина

Карантинные подарочки

Зинаида и ее семья относятся к числу тех счастливиц, которым повезло проводить карантин в собственном доме за городом. Не, совсем не дворец, если кто сразу же позавидовал, и не вилла на Рублевке ни разу, даже не коттедж новомодный – ничего подобного.

Небольшой, скромный домик, доставшийся мужу Зиночки Григорию в наследство от дедушки в старинном дачном поселке по Рижскому направлению в сорока километрах от Москвы. Такой же старый, как поселок, строившийся вместе с ним, но добротный, очень уютный, каменный, капитальный дом, со всеми коммуникациями и прекрасным интернетом, что не в последнюю очередь повлияло на их с мужем решение перебраться за город сразу же, как объявили этот самый карантин с самоудаленкой.

Дед Гриши Павел Николаевич всю жизнь проработал инженером-строителем, поэтому и дом для семьи построил настоящий, грамотный, продуманный до мелочей и реально необыкновенно удобный, да и участок земли, на котором домик тот стоял, был прямо-таки огромный по тем-то временам, да и по нынешним временам-то, для обычного человека – аж пятьдесят соток. Гуляй – не хочу – и сады с огородами разводи, что, собственно, Павел Николаевич и его жена Вера Алексеевна, бабушка Григория, с удовольствием и делали.

А вот родители Гриши садоводами-огородниками не стали, предпочитая на дачу приезжать исключительно ради отдыха. Так, что-то влегкую на грядках разводили: зеленушку всякую, редисочку, несколько кустов ягодных посадили – все, что попроще, без затей агрономических.

И не в пример им Зина с Гришей дом этот очень любили, приезжали настолько часто, насколько могли, практически каждые выходные проводили на даче, и зимой в том числе – ходили на лыжах, дышали свежим воздухом и обязательно Новый год здесь всем семейством да с друзьями близкими справляли. Не говоря уж про лето, которое практически все три месяца проводили именно здесь, а потому что у них четверо малых детей, чью кипучую энергию требовалось куда-то направлять, желательно в мирных, малоразрушительных целях, а самих детей необходимо оздоравливать на природе.

Вот и оздоравливали. На курорты таким кагалом особо не наездишься – вы себе представляете пляжный отдых двоих родителей с четырьмя детьми, младшему из которых только в апреле исполнилось четыре года? Никакого моря, никакого расслабона, никакого отдыха – одно сплошное напряженное внимание, чтобы эта банда не разбежалась, не заплыла, не надделала чего. Ну, или брать в помощники бабушек-дедушек в такие поездки.

А вот оно им надо? Когда есть прекрасный дом, огромный участок и совершенно безопасный, охраняемый поселок.

Решили, что море – тоже дело хорошее, поедут, а как же, но только когда младшие подрастут хотя бы лет до семи, а старшие уже в разум какой-то ответственный войдут.

А пока вот так – дача. Зина с Гришей посадили новые ягодные кусты, добавили к старому, вполне себе плодovитому саду, вернее, к тем деревьям, что от него остались, новые деревца. Теплицами не заморачивались – все-таки люди городские, но грядки под зелень, лук, чеснок, салаты, редиску, морковку, свеклу делали, да так еще что по мелочи сажали, в основном в виде эксперимента. В дальнем углу участка имелась поляна с дикой земляникой, на ней даже грибы белые росли, за домом сделали грядки с клубникой для детей. В общем, как могли огородничали так, чтобы и без напряжения, в удовольствие, и не совсем уж балалайка три струны на веранде лениться.

Ну и кто бы при таком богатстве остался в городе? Собрали ребятню и мотанули еще в марте, когда снег, пугая, налетал.

Детям только счастье и приключение – уехать на любимую дачу неизвестно на сколько, когда в стране какой-то там пугающий коронавирус и все боятся-я-я-я... Чем не начало для страшной сказки?

Настроения эти сказочно-разгуляйные были сразу же жестко подавлены в корне системой образования, принудившей старшего Никиту девяти лет и среднего Василия, первоклассника семи лет, постигать азы учебы в режиме онлайн на удаленке.

И что-то, надо сказать, та система образования как-то офигительно на тех детей навалилась – столько задавая, что им не то что играть-бегать некогда было, а то и до позднего вечера, а порой и до самого сна с уроками разбирались. Особенно если учитывать тот факт, что Зина с Гришей, на минуточку, не безработные и на той же удаленке впахивали, мама не горюй, словно начальство сильно переживало, а вдруг подчиненные решат отдохнуть и расслабиться? Незя-я-я, надо работать с повышенной нагрузкой.

Кому надо, на кой хрен эти переработки ненормальные?

Ну, ладно, оставим эти вопросы на совести работодателей. По нынешним временам, что работа есть – большая удача, а то, что им еще и зарплату платили, в прежнем, докарантинном, объеме, так, считай, вообще повезло необычайно.

В общем, справлялись как могли. Даже младшим, четырехлетним двойняшкам Олегу и Ольге было чем заняться – няня в том же режиме онлайн обучала их всяким интересным играм: они и лепили из пластилина, и строили бумажные замки, и рисовали, и читала она им сказки, и рассматривала вместе с ними какие-то веселые картинки – не перечислить всего. Главное, дети были увлечены и заняты, пока родители работали.

Очень тяжело было первые недели две, потом как-то выправились в нужный режим, установили определенный график, с обязательной часовой прогулкой детей на воздухе днем и вечером после ужина. И как-то втянулись, разнообразили свою жизнь и совместными играми, и интересными занятиями, благо в дачной жизни их хватает, а при хорошей фантазии так и осуществлять не успеваешь все задумки. А уж, когда детям объявили досрочную «амнистию» в виде окончания учебы раньше времени, так и вовсе пошло веселье.

Для всех, кроме Зинаиды.

У нее-то как раз начало происходить что-то непонятное с памятью. Собралась утром блины гречишные печь, а молока не нашла. Куда делось? Ведь точно помнила, что вчера, планируя блины, посмотрела в холодильнике, есть ли молоко – было полпакета.

Ну, ладно, может, что перепутала, устала от слишком большого объема работы, вот и путает.

А в обед новая непонятка случилась. Утром Зинаида сделала фарш из индейки и приготовила полуфабрикат – налепив пятнадцать котлеток, чтобы днем быстро поставить в пароварку и подать горячими. Стала выкладывать в пароварку – четырнадцать штук. Да как так-то? Почему четырнадцать? Рецепт этих котлет Зина придумала сама – хоть и паровые, но получались очень сочные, вкусные, все семейство их любило, даже малыши. И уже на автомате брала для приготовления определенное количество индейки и всегда – всегда! – лепила ровно пятнадцать котлеток. А тут четырнадцать.

– Гриш, – вот на всякий случай, но спросила-таки мужа, сама понимая, насколько глупо звучит вопрос, – ты не в курсе, куда одна котлета делась?

– Зинуль, клянусь, – приложив руку к груди, сдерживая улыбку, сказал муж, – я не брал. – И, придвинувшись поближе, прошептал заговорщицки: – И не ел, честное слово, – рассмеялся и прокричал: – Дети, вы котлету из холодильника не брали?

– Мы котлету не ели, тем более сырую, – отозвался Никита, входя в кухню.

Следом за братом влетел Олежек и подтвердил:

– Честное слово, не ели, мам.

– Ладно, – рассеянно махнула рукой Зина, – идите, я, наверное, ошиблась.

Но как она могла ошибиться? Как? Ерунда какая-то.

На следующий день пропала двухсотграммовая бутылочка фермерских сливок. Вот точно была в холодильнике, Зина вечером, прикидывая, что готовить на утро, отметила эту бутылочку и даже в руках подержала, а взялась делать завтрак – нет, как и не бывало. Видимо, дни перепутала. Вчера, что ли, ее использовала или позавчера?

Да все может быть, с этой работой совсем уже с ума сходит. На самом деле столько ее навалили той работы, видимо, начальство считает, что сотрудники, сидя дома, совсем разленились, и ну давай все подряд на них навешивать, не продохнуть, ей-богу, раза в три больше того объема, что Зина обычно делала в офисе, прямо голова пухнет.

Вот она и начала путать, что было вчера или позавчера, продукты терять, забывать, что и когда готовила.

Беда-а-а-а.

Но это были еще цветочки, а не беда.

Затарились с Гришей в магазине продуктами на несколько дней, как обычно, приехали домой, разобрали покупки, разложив в холодильник и на полки, Зинаида взялась готовить ужин – нет банки сметаны, упаковки шпината и пекинской капусты. Куда делись? Ведь помнит, что в руках держала – как раз задумала зеленую закуску готовить.

– Гриша! – тревожно призвала она мужа.

– Здесь он, – Григорий пришел на зов жены.

– Мы же брали в магазине сметану, шпинат, китайскую капусту?

– Помню, намеревались, – подумав, ответил муж. – У полок с травой стоял, и ты что-то там решала, брала-откладывала. А взяла или нет, прости, мать, не знаю. Мое дело – с тележкой за тобой ходить, выслушивать твои рассуждения, поддакивать, перегружать продукты, платить, снова перегружать в машину и еще раз перегружать, переносить в дом.

– Помощи от тебя! – проворчала Зина.

– Все, что могу, – он поднял руки, как бы сдаваясь.

И быстренько ретировался из кухни подальше от непонятного настроения жены.

– Дети! – крикнула Зинаида.

Первым пришел, как обычно, ответственный старший сын.

– Никитос, – с легким наездом обратилась мать к сыну, – ты не видел упаковку шпината, банку сметаны и китайский салат?

– Мам, вот честное слово, – посмеиваясь, ответил сынок, приложив руку к сердцу, – я шпинат не ел. И салат тоже. А сметану я не люблю, ты знаешь.

– А я сметану люблю, – следом за старшим подхватил пришедший в кухню Вася, – но не ел. И шпинат с салатом тоже не ел.

– И мы не ели! – громко оповестили младшие, выскочив из-за спины старших братьев.

– А что вы все прибежали? – удивилась Зинаида. – Какое странное единодушное. Обычно не докричишься вас, когда надо, а тут вдруг все скопом собрались.

– Ну ты же позвала, а мы рядом были, – пожал плечами Никита.

Зинаида скрестила руки на груди, пристально рассматривая детвору. Детей своих она знала не то что, как облупленных, а как ученый свое, уникальное изобретение – до последнего винтика и вздоха, и любое их вранье считывала моментально и еще при подходе деток к дому заранее зная, что они успели натворить.

– Мам, не буравь нас изучающе, – остудил ее недоверие Никита. – Мы точно тебе говорим, что не ели твой шпинат со сметаной.

Вот ведь! Смотрит на них Зина и видит – не врут!

– Ладно, идите, – отпустила она отпрысков с тяжелым вздохом.

– Не расстраивайся, мамочка, – пожалела ее доченька, подошла и погладила по руке. – Все уладится.

Зина только вздохнула-выдохнула тягостно, погладила дочь по головке, наклонилась, поцеловала.

– Ну, иди.

Ладно, наверняка опять забыла, отвлеклась, видимо, в магазине, решила Зинаида с большой натяжкой – вот никогда за ней ранее такой рассеянности не замечалось.

А тут вдруг еще одна напасть случилась.

Природа решила пожалеть жителей городов, находящихся в изоляции, и отменила нормальный май – как затянули дожди бесконечные, да с ветрами и холодом, намекая, мол, сидите люди по домам и не рыпайтесь. Вот они и сидели, а куда деваться.

А вместе с ними и более удачливые дачники.

Как-то Зина засиделась за работой дольше обычного, начальство срочно потребовало отчет, вот припекло ему, тому начальству неугомонному, чтоб ему... ладно, умолчим о своих горячих пожеланиях работодателю. Домашние все давно спали, и загородную тишину нарушал только легкий шум мелкого, затянувшегося дождика.

Закончив возиться с отчетом, Зиночка легла в кровать под бочок спавшего глубоким сном мужа, который тут же ее обнял, привычно прижимая к своему боку. Но только она устроилась, закрыла глаза, расслабляясь, и вдруг слышит:

– Тук-тук-тук-тук-тук...

Странный такой быстрый-быстрый, приглушенный стук, словно машинка швейная строчит где-то, а следом за ним тихий-тихий звук, как стон, который кто-то тянет болезненно на одной ноте.

Ёлки-моталки, что за ерунда?

Зина напряглась вся, прислушалась – тишина. Причем такая качественная, загородная тишина, только дождик еле-еле шелестит.

«Послышалось», – успокоилась она. Снова начала расслабляться...

– Тук-тук-тук-тук...

Да, твою дивизию, что за фигня-то?!

Зинаида села в кровати, прислушалась – стучит. Тихо так, еле уловимо, но стучит же!

Может, у детей что случилось?

Поднялась, пошла проверять. Идет по дому, прислушивается – вот есть! Есть какой-то звук! То стучит, то стонет.

Дети спят крепким младенческим сном в своих кроватях, и в их спальнях никакого стука-стоны не слышно.

А вышла из комнаты Никиты – слышно.

Пошла на звук. Откуда-то от дверей входных, может, у соседей что случилось? На соседнем участке жил старинный друг деда и бабушки Григория Сергей Федорович, но зимой у того случился инфаркт, и дети забрали его в город, сами же приезжали на дачу не регулярно, иногда по выходным, только сейчас, в карантин стали навещать почаще. А в будние дни вроде как Гриша с Зиной присматривали за их домом. Ну как присматривали – в сам дом не ходили, проверяли, чтобы кто чужой не шастал.

Может, на соседском участке что стряслось?

Пока шла к дверям, звук вроде как усиливался, подошла – раз и оборвался.

Да мать его ети! Постояла, прислушиваясь. Долгонько стояла, аж подмерзнуть начала – тишина.

Да ну его на хрен, разозлилась на себя и побежала назад в спальную под теплый мужнин бок, греться и спать.

На следующую ночь история повторилась.

Растрепанная не на шутку, Зиночка на сей раз открыла дверь и вышла на веранду, где звук был явно громче и определенной, и именно в этот момент странные звуки прекратились.

Потом Зинаида обнаружила пропажу старого детского одеяльца, которым она накрывала банки с закрутками в подвале.

– Вот куда оно могло деться? – громко негодовала она, жалуясь Грише.

– Ты же еще зимой грозила выкинуть старое барахло, может, и его выкинула? – предположил он.

– Да не могла я его выкинуть! – все сильнее нервничала Зина. – Им очень удобно банки накрывать.

– Ну, не знаю, – недоуменно развел руками муж.

– Дети! – нервничала Зина, призывая детей. – Вы одеяло из подвала не брали?

– Мам, для чего? – спрашивал ее вместо ответа Никита.

– Ну, я не знаю, – терялась Зина. – Для игры какой-нибудь.

– Мам, – жалел ее сынок. – Нам оно вот точно не нужно.

– Нет, мам, – поддерживал старшего Олежек, отрицательно покачав головой. – Нам оно точно не нужно.

Через два часа спустилась за чем-то в подвал – глядь, а одеялко на месте.

Трындец, все, приплыли!

Зинаида пугалась за себя уже всерьез. Вспомнила про сестру родной своей бабули по папиной линии, которая провела большую часть жизни в сумасшедшем доме и там же умерла.

А ведь, говорят, что сумасшествие – это наследственное...

Полезла в интернет – изучать волнующий ее предмет и расстроилась окончательно, до слез, такого там поначитавшись, что только держись! Действительно сумасшествие и шизофрения как одна из его форм очень часто передаются по наследству, и, мало того, в ряде случаев наблюдается печальная тенденция, что у потомков проявления болезни бывают гораздо более тяжелыми.

Мама дорогая!

Зиночка позвонила бабуле. Привычно поинтересовалась их с дедом здоровьем, как им там сидится в изоляции, как старики себя чувствуют – они регулярно перезванивались раза два, иногда три в неделю.

– Ба, – как бы между прочим спросила Зиночка. – Я что-то тут вспомнила про твою сестру Лиду. Ну ту, что сумасшедшая была. Я тут подумала, а она одна у вас в роду была ненормальная или еще кто?

– Одна, – удивилась бабуля. – А что ты про нее вспомнила-то?

– Да так, тут разговор про болезни зашел, вот и вспомнилось, – приврала что-то не сильно внятное и убедительное Зинаида.

– М-да, – повело бабулю в воспоминания, – Лидуша была в юности тихенькая, милая, кроткая и улыбчивая девушка, а потом такие ужасы творить начала, страх и вспомнить. Что значит дурная кровь.

– Что значит дурная? – совершенно обмирая от страха за свою загубленную жизнь, пытаюсь не заплакать, переспросила Зиночка.

– Так она же не нашенская была, – взялась с энтузиазмом пояснять бабуля. – Моего отчима, маминого второго мужа, дочь. А мать ее, то есть первая жена дядь Виктора, как раз таки была сумасшедшей, и ее мама тоже. Да-а-а, – протянула бабуля, с удовольствием предаваясь воспоминаниям. – Еще какая сумасшедшая, там вообще страшное дело творилось...

И Зина, съезжая по спинке дивана от внезапного облегчения, прослушала вполуха информацию о той несчастной безумной мамаше не менее безумной Лидушки.

Так. Значит, не наследственное. И что мы имеем в таком случае?

Для таких вопросов у нас есть интернет с его прекрасными поисковиками – только в путь!

Через пару часов, холодея внутри от ужаса и безысходного осознания грядущей неотвратимости беды, Зинаида поставила себе окончательный диагноз.

И пошла искать мужа для серьезного разговора.

– Гриш, – усадив его напротив себя, Зинаида взяла ладони мужа в руки, посмотрела ему в глаза и приступила к тяжелому, но неизбежному разговору и, как обычно, не прячась за пустыми фразами, рубанула с главного: – У нас беда.

– Так, – сразу же напрягся Григорий, внимательно вглядываясь в лицо жены. – Какая?

– Со мной последнее время происходят странные вещи, – осторожно начала Зинуля. – Я теряю вещи, продукты, я забываю, что и когда готовила, покупаю продукты по списку в магазине, а дома обнаруживаю, что часть забыла купить. Потеряла то одеяльце, ты помнишь?

– Одеяльце помню, – осторожно согласился Гриша.

– Ну вот! – обрадовалась Зина. – Я смотрю: его нет. Все облазила в подвале: нет. А через два часа спустилась за луком: есть, лежит на своем месте. Я же точно помню, что не было, и я искала, а оно лежит.

– У детей спрашивала? – все больше напрягался Гриша.

– Конечно, спрашивала, говорят, что не брали. И не врут, я же вижу, – продолжала она, все больше и больше заводясь. – Какие-то старые миски-тарелки пропадают, начинаю искать – а они на месте. И еще вот что, Гриш. – Она придвинулась к нему поближе. – Ночами я стала слышать странные звуки, словно стучит кто-то тихонько и стонет или пищит. Несколько ночей подряд так пищало-стучало, а потом перестало.

– Перестало, да? – переспросил Гриша.

– Да, – кивнула Зинаида. – И я, Гриша, загуглила все эти свои симптомы и получила однозначный ответ. – Она глубоко вздохнула, набираясь решимости и выдохнула: – Все, что со мной происходит, это первичные признаки начинающегося Альцгеймера.

– Чего начинающегося? – начал тихо похохатывать Григорий.

– Альцгеймера, – трагическим, убитым тоном окончательно призналась Зинаида.

– Не-не-немец, что ли? – не удержавшись, принялся хохотать Гриша.

– Что ты смеешься, вот что ты смеешься?! – ужасно возмутилась Зина такой черствости мужа.

А он притянул ее к себе, трясаясь от хохота, поцеловал в макушку и, утерев выкатившуюся смешливую слезу, надоумил:

– Ты не там ищешь, Зинуля.

– Что значит не там? – вывернувшись из его объятий, воинственно возмутилась Зинаида.

– Ты человек с высшим образованием, один из ведущих специалистов в крупной известной компании и ставишь себе диагнозы, начитавшись интернета? Все эти твои ужасы можно было бы списать на усталость, потому что на самом деле тебя определенно завалил чрезмерной работой твой шеф, и пора бы по-хорошему тебе с ним поговорить на эту тему. Но не об этом сейчас.

– А о чем? О моем болезненном состоянии? – бурчала недовольная легкомысленным отношением мужа к своему состоянию Зинаида.

– Ты не обратила внимания на странное поведение детей где-то последние дней пять? За эти дни они ни разу не поругались, не выясняли отношений, не делили игрушек, младшие не донимали старших – сплошная братско-сестринская благодать.

– Слушай... – призадумалась Зина, – а ведь верно. Я за своими заботами как-то на эту тишину и не обратила внимания.

– Во-о-от, – протянул муж. – И какие вдруг резко хорошие детки у нас тут стали: за столом ни одного крика, никаких капризов, съедают все без остатка, не канючат и не требуют запрещенного сладкого. И задания-то все сами делают. Ну, прямо не дети, а выставочные экземпляры.

– То есть... – начала понимать Зина.

– Вот именно, – кивнул, соглашаясь Гриша. – Надо проследить за детьми, и уверен: мы узнаем ответы на большую часть твоих вопросов.

– Точно, – согласилась Зина, быстро прокрутив в голове все странности с детьми, которые она мимоходом отмечала про себя, но не придавала им особого значения. И напустилась на мужа: – Что ж ты раньше молчал!

– А меня как-то, знаешь, – смеялся Гриша, – вполне устраивала такая тишина в доме и примерные детки. Тем более все в порядке, травм никаких не наблюдалось.

– А то, что жена тут с ума сходит, тебя тоже устраивало? – негодовала Зинаида.

– Нет, – загребая бушующую жену в охапку, смеялся Григорий. И, чмокнув в нос, и в лоб, ну и в губы, раз пошло такое дело, предложил: – Ладно, давай, что ли, в шпионов поиграем, проследим за нашими детками. Вон, кстати, Никитос с Василем куда-то намылились. Пошли?

– Пошли, – заговорщицким шепотом согласилась Зинаида.

Между их и соседским участком, в самом дальнем углу сада, имелся небольшой проход в заборе, давно замаскированный кустами сирени с их стороны и жасмина со стороны соседского участка. В самом деле, люди дружили долгие годы, ходили друг к другу в гости – что обходить через улицу. Про эту дыру в заборе знали все, и дети с удовольствием через нее шастали к соседям, тем паче что те редко приезжали.

Вот к этому-то лазу и устремились братцы, по-шпионски оглядываясь назад.

Зорких, коварных родителей мальчишки не заметили и быстренько шмыгнули в кусты. Ну и родители, как два неуловимых диверсанта, за своими детками туда же.

А на той стороне прямо тропочка по траве проложена от прохода к хозяйственной сараюшке у забора, и слышатся приглушенные голоса что-то живо обсуждающих парней.

Подкрались коварные родители и застучали своих чад за сараюшкой соседской склонившихся над какой-то картонной коробкой, видимо, от холодильника, обрезанной до сантиметров двадцати.

– Так, – грозным тоном поинтересовалась Зинаида. – И что тут у нас такое?

Никитка с Василем, обалдев от неожиданного появления родителей, перепуганно усталились на них, не в силах что-нибудь вымолвить. Гриша, шагнув вперед, склонился над коробкой, постоял в задумчивости какое-то время и начал тихонько трястись от сдерживаемого смеха.

– Иди, мать, посмотри, – позвал он, махнув рукой Зинаиде.

Не спуская с сыновей сурового взгляда, заранее не обещавшего ничего хорошего, Зина присоединилась к мужу и заглянула в коробку, в которой...

На старой шерстяной кофте Никиты, постеленной на дно, копошились небольшой щенок непонятной породы, крошечный серый котенок, маленький серый крольчонок и еж.

– Та-а-ак, – снова протянула Зинаида, – мне кто-нибудь объяснит, что здесь происходит?

А происходило тут следующее, как взялся пояснять матери любимой старший сынок.

Неделю назад они с Васей пошли за соседский участок просто так, прогуляться, и нашли возле забора вот эту самую коробку, в которой пищали малипусенькие детеныши кошки, собаки и кролика.

Их кто-то, по всей вероятности, просто выбросил за ненадобностью, перекинув через забор на участок, где редко бывают хозяева. Видимо, решил: выживут – значит выживут, ну а нет, так пусть хозяева участка думают, что с ними делать, теперь это их головная боль. Самое странное, что все животные были совсем маленькие, им было буквально не больше одной-двух недель. А мальчишки нашли «подкидышей», оттащили сюда за сараюшку и решили ухаживать за животными.

– А еж? – выясняла строгим тоном Зинаида.

– А ежа мы не брали, – вдруг протиснулся мимо нее вперед Олежек, вот наверняка появился вместе с сестрицей, с которой они всегда все делали только вдвоем, последовавший

за родителями, проследившими за старшими братьями. – Эдик сам пришел, честное слово, мамочка.

– Так, и вы тут, – констатировала суровая мать. – Очень хорошо. Вот все вместе нам с отцом и объясните вашу конспирацию.

– Мам, – начал, как водится, первым Никита, – ну ты же категорически против животных в доме.

– От этих глистов и блох, детям ненужных, – встряла Ольга в процесс пояснений, напомним материнские слова.

– Мы же тебя сколько просили собачку...

– Или котика, – быстренько всунула свои добавления Оленька.

– Да, – чуть сбился Никита, – или котика. А ты не разрешала. А тут эти малыши. Их какие-то гады просто взяли и выкинули, они еле живые были, когда мы их нашли, – показал он рукой на коробку. – Что ж и мы их выбросить должны были? Они же совсем маленькие.

– А Жорик, он когда спит, – снова встряла Оля со своими объяснениями, – он так ножками во сне тук-тук-тук делает, бежит быстро-быстро, так смешно.

Григорий, сложив руки на груди, изо всех сил сдерживая смех, посмотрел многозначительно на жену. Тук-тук-тук, говорите?

– Жорик, я так понимаю, у нас кролик? – спросила Зина.

– Ну, да, – оживился Вася, – а это Маркиза, – показал он на котенка.

– Что-то она слишком облезлая для такого богатого имени, – заметил с сомнением Григорий.

– А это Федот, – указал на щенка Олежек.

– Почему Федот? – удивился Григорий.

– Потому что накануне им няня читала отрывок из Федота-стрельца, – объяснил обстоятельный Никита.

– Да? – переспросил с сомнением отец и посмотрел на жену: – А не рановато ли им про Стрельца-то? И что она им там вообще читает, я как-то упустил этот момент.

– Так, – сказала строгая мать. – С этим мы потом разберемся. Сейчас о другом. Так это вы таскали продукты из холодильника?

– Мы, – тяжело выдохнул Никита.

– И как вам удалось меня обвести-то? – всплеснула мать руками.

– Никита сказал: храним все в тайне, – тут же принялся сдавать брата подчистую Олежек. – Но маме нельзя врать ни в коем случае, она сразу же нас раскусит. Поэтому надо говорить только правду.

– Вот мы и говорили, – закончила за брата Оленька.

– Ты спрашивала: «Вы брали котлету» или сметану...

– ...или молочко, – снова встряла Оленька.

– ...а мы отвечали, что мы его не ели, – закончил фразу Никита. – И про одеяло спросила, а мы ответили, что нам оно не нужно. Правда, одеяло мы решили вернуть обратно.

– И старую миску для ягод, – уточнил Василий. – Она для них большая, а ты искала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.